

МИШЕЛЬ УИЛЬЯМС

НЕЛЕПАЯ СМЕРТЬ

ЗАГАДОЧНЫЕ И ТРАГИЧНЫЕ
ИСТОРИИ ИЗ ПРАКТИКИ
ПАТОЛОГОАНАТОМА

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

18+

Служебная тайна. Неизвестная
сторона известных профессий

Мишель Уильямс

**Нелепая смерть. Загадочные
и трагичные истории из
практики патологоанатома**

«ЭКСМО»

2010

УДК 616:611
ББК 52.5

Уильямс М.

Нелепая смерть. Загадочные и трагичные истории из практики патологоанатома / М. Уильямс — «Эксмо», 2010 — (Служебная тайна. Неизвестная сторона известных профессий)

ISBN 978-5-04-194921-1

30-летняя британка, которой надоела работа в Национальной службе здравоохранения, устраивается стажером в больничный морг. В свой первый год работы она учится проводить вскрытие, определять причину смерти, общаться с убитыми горем родственниками и сомнительными гробовщиками. Автор откровенно рассказывает о себе и своей работе, сообщая порой жуткие подробности о человеческом теле. В книге подробно описано, как и с помощью чего делается вскрытие, какие правила при этом нужно соблюдать и какие ошибки допускают патологоанатомы. Автор не теряет веры в людей и продолжает ценить жизнь, ежедневно сталкиваясь с ситуациями, от которых остальные теряют дар речи. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 616:611
ББК 52.5

ISBN 978-5-04-194921-1

© Уильямс М., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

Об авторе	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мишель Уильямс
Нелепая смерть
Загадочные и трагичные истории
из практики патологоанатома

Michelle Williams and Keith McCarthy

DOWN AMONG THE DEAD MEN

Copyright © 2010 by Michelle Williams and Keith McCarthy

© Новикова Т. О., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Об авторе

Мишель Уильямс начала карьеру в системе здравоохранения с помощи труднообучаемым детям. Профессию патологоанатома освоила в крупной больнице Уэст-Мидлендса, где в настоящий момент занимает должность директора морга.

Эта книга не является документальной. Детали описанных в ней событий были существенно изменены из уважения к умершим людям и их близким. Все персонажи вымышлены и никак не связаны ни с живыми, ни с мертвыми.

Пролог

Никогда бы не подумала, что займусь тем, чем занялась. Тринадцать лет я тружусь в сфере здравоохранения, но моя деятельность никогда и близко не была связана ни с чем подобным – я работала в интернате с труднообучаемыми детьми. Надо признаться, что в последнее время это занятие меня изрядно утомило, и я пришла к выводу, что на этом поприще мне карьере не сделать. Вместе с тем система здравоохранения гарантирует своим сотрудникам весьма привлекательное социальное обеспечение, а мне не хотелось лишиться пенсии, размер которой увеличивался с каждым годом.

Как-то, пролистывая в Интернете вакансии, я наткнулась на необычное объявление. Сначала не поверила своим глазам – пришлось перечитать несколько раз. Там говорилось, что в больницу, расположенную совсем недалеко от моего дома на юго-западе Англии, требуется «медицинский технический организатор». Странное название интриговало, но самым интересным было то, что в должностные обязанности, помимо прочего, входила работа в больничном морге. Подробности не сообщались, но слово «труп» упоминалось не раз.

Опыта работы с трупами у меня не было, и я никогда не думала, что подобное занятие может меня привлечь, но терять мне было нечего, и я решила откликнуться. Я терпеть не могу рутину и всегда открыта новому, а это поприще явно сулило приключения.

Прошло несколько недель. Погруженная в повседневные дела, я совершенно забыла о загадочном объявлении. Честно говоря, я сразу решила, что мои шансы получить эту работу равны нулю. Положим, образование у меня было даже посерьезней, чем требовалось, но мне всегда казалось, что опыт важнее знаний. И вдруг, к моему удивлению, меня пригласили в один из двух моргов графства для неформального интервью. Я не могла поверить, что наконец-то побываю в настоящем морге.

Прибыв на место, я отыскала патологоанатомическое отделение и сообщила о цели своего приезда. Меня попросили подождать в приемной. Как выяснилось, должность была куда более востребованной, чем я думала – на нее претендовали еще несколько человек, которые тоже ожидали здесь.

Вскоре со мной сдержанно поздоровалась рыжеволосая дама готического вида, с ног до головы закутанная в черное. Эта женщина уточнила, действительно ли я являюсь одним из кандидатов. Я ответила утвердительно, гадая, каким будет следующий вопрос. Он оказался весьма неожиданным: спросили, завтракала ли я. Я решила, что довольно странно спрашивать такое у человека, которого видишь впервые, но позже поняла, что это неспроста. В приглашении ни слова не говорилось о том, что мне придется присутствовать при вскрытии, причем не только на собеседовании, но и, если оно пройдет успешно, при дальнейшей работе. Когда все соискатели были в сборе, выяснилось, что половину из них известили о том, что их ожидает, а другую оставили в неведении. Двое из второй группы предпочли сразу же retirоваться. Если честно, я и сама подумывала об этом, но любопытство взяло верх.

Минут через десять нас пригласили в морг, где выдали разовые накидки, бахилы, шапочки и маски. Нас спросили, не является ли кто-нибудь из нас знакомым или родственником некоего мистера Бентли из соседнего городка Пеар-Три-Клоуз. Вопрос меня удивил, но вскоре выяснилось, что нам предстоит присутствовать при вскрытии этого самого мистера Бентли. Конечно, едва ли кто-нибудь обрадуется, увидев, как хорошего знакомого или, боже упаси, отца, пусть даже и мертвого, разрежут от ключиц до лобка.

Нас встретил один из работников морга, мистер Клайв Уилсон. Ему было слегка за пятьдесят, и он занимал должность директора обоих моргов графства. На нем был спецкостюм, поэтому я видела только его глаза, которые, впрочем, излучали искреннюю симпатию. Клайв беседовал с нами в ходе всего процесса, периодически справляясь о нашем самочувствии. Он

то и дело повторял: «В морге нет смысла геройствовать. Если чувствуете, что не выдержите, лучше уйти».

К моему удивлению, процесс вскрытия оказался безумно увлекательным. Я болтала с Клайвом, как со старым приятелем. И хотя он явно вскрывал покойников уже не первый год, мне показалось, что я быстро и без особого труда овладею этими навыками.

Пока нас посвящали в тонкости аутопсии, я внимательно наблюдала за тем, что происходило вокруг. Помимо остальных кандидатов, которые пришли сюда просто из праздного любопытства, в морге присутствовали два младших и старший санитары. Атмосфера царила дружеская. Санитары извлекали из трупов органы (позже я узнала, что этот процесс называется эвисцерацией) и непринужденно болтали с патологоанатомом. Они взвешивали извлеченные органы, протирали полы и рабочие поверхности. Работа у них спорилась. Я вдруг поняла, что я в восторге от того, что делают эти люди, что я наконец нашла свое призвание.

Несколько дней спустя меня пригласили на официальное собеседование – опять же, к моему немалому изумлению. Мало того – мне удалось его пройти! Я не слукавила, сказав интервьюерам, что для меня самой это необъяснимо, но я чувствую очень сильное желание быть частью этой команды и заниматься столь необычным и увлекательным делом. Моя откровенность произвела впечатление, и вечером того же дня мне позвонили и сообщили, что я принята. Поначалу я отказывалась верить, но через день подтверждение пришло на почту.

Тогда я еще не знала, что приступаю к самой удивительной и потрясающей работе в мире.

Глава 1

Первый день на новом месте выдался ярким и холодным – было начало марта. Мне на тот момент исполнилось тридцать; еще две недели назад я понятия не имела, чем займусь в жизни, а вот теперь уверена, что мне безумно хочется работать с людьми, чье дыхание пресеклось навеки.

Работать мне предстояло не в том здании, где проходило собеседование, и я потратила кучу времени, прежде чем нашла второй морг. Больницы не слишком охотно раскрывают местонахождение своих трупохранилищ (тому есть причины, которые становятся понятны, когда глубже постигаешь тонкости патологоанатомической кухни).

Я дважды обошла территорию больницы, безуспешно пытаюсь отыскать морг. Отчаявшись, явилась в приемный покой и обратилась за помощью к секретарю.

Услышав мой вопрос, он окинул меня подозрительным взглядом, а затем куда-то ушел. Вернувшись, сообщил, что сейчас за мной придут. Я досадовала на себя за нерасторопность.

Я прождала около десяти минут, наблюдая за людьми, сновавшими в приемном покое. Вскоре я заметила человека в длинном белом халате, который направлялся в мою сторону. Подойдя, он обратился ко мне по имени, пожал мне руку и произнес:

– Добро пожаловать.

Я узнала его по взгляду – это был тот самый Клайв Уилсон, что пару недель назад демонстрировал нам вскрытие. Я была рада его видеть, и окружающая обстановка перестала казаться враждебной.

По пути в морг мы с Клайвом непринужденно болтали. Когда он спросил, как я себя здесь ощущаю, я не знала, что ответить. Как любой человек в первый день на новой работе, я нервничала, слегка робела и испытывала кучу других эмоций. Оно и понятно – меня ждала не какая-нибудь рутина с девяти до пяти! Я поинтересовалась, почему они остановили свой выбор на мне. Конечно, вскрытие, на котором я присутствовала две недели назад, вызвало живейший интерес с моей стороны, ведь я никогда раньше не видела покойников и тем более не проводила в их обществе целый день. Но мне самой до сих пор было неясно, почему я решила выбрать эту работу – просто почему-то казалось, что она мне по силам.

Шагая вместе с Клайвом к моргу (он оказался совсем рядом – здание было видно из окна приемного покоя), я гадала, как там все устроено. Больница, в морге которой проходило собеседование, была открыта всего семь лет назад, и морг при ней был просторным и светлым, сверкал нержавеющей сталью и приятно пах дезинфекцией. Интересно, куда я попаду сейчас – в столь же цивильное место или это окажется морг из старых ужасиков, где по стенам струится вода, крысы роются в разбросанных по полу кишках, а в углу над столом горбится дегенерат с огромным ножом в руках?

Клайв подвел меня к широким двустворчатым красным дверям под синим железным навесом, скрывающим основной вход в морг, чтобы не травмировать людей видом трупов на каталках. Клайв пояснил, что морг находится на первом этаже патологоанатомического отделения, вдали от приемной. Он отпер одну из дверей своим ключом.

Оказавшись в вестибюле, я сразу почувствовала странный запах – смесь чистящего средства, грязной одежды и еще чего-то, что не берусь описать. Почему-то мне показалось, что именно так пахло от моего младшего брата Майкла, когда он приходил из школы – это был затхлый дух столовой.

Клайв провел меня в небольшой кабинет, где стояли два стола. За тем, что поменьше, сидел седой розовощекий мужчина – вылитый Клайв, только в очках. Клайв представил нас. Мужчину звали Грэм. Он поднялся и крепко пожал мне руку.

– Привет, – сказал он с сильным местным акцентом, как нельзя лучше подходящим его внешности. Мне показалось, что я его где-то уже видела. Выяснилось, что он, со своей стороны, подумал то же самое обо мне. Мы немного поболтали, но так и не узнали, где могли встречаться. Возможно, это было в пабе, куда мы с моим отцом, известным в Уэст-Мидлендсе предпринимателем, нередко заходили и где собиралась почти вся местная публика.

Мне предложили стул и кофе. Грэм наклонился, чтобы включить чайник, стоявший на полу рядом с его столом. Затем достал три чашки с полки, которая хлипко держалась у него над головой. Нашелся пакет молока. Клайв с веселым видом сообщил, что несколько лет назад молоко хранили в холодильнике вместе с трупами, но санитарная служба положила этому конец. Кофе я предпочла черный.

Кабинет выглядел довольно обшарпано. Обычная для больничных интерьеров бежевая и голубая краска в некоторых местах отошла от стен, вокруг розетки расплзлось темное пятно. Мебель тоже была не ахти – можно было подумать, что после капремонта весь хлам из больницы тащили сюда. Лак на столешницах облез, дерматин на стульях потрескался. Пока Грэм возился с кофе, Клайв рассказал, что мой предшественник повздорил со старшим санитаром головной больницы, из-за чего вынужден был уволиться. О причине ссоры он умолчал, и я заметила, что он ждет, когда я сама об этом спрошу, но в первый рабочий день мне не хотелось касаться этих тем.

За кофе я обрушила на Клайва лавину дурацких вопросов. А что, в морге всегда так? Неужели мы так и просидим весь день, ожидая, когда что-то произойдет? Закоют ли сирены, когда в больнице кто-то умрет? Откроется ли потайная дверь, когда полиция доставит изуродованное тело несчастного, попавшего под автобус? Клайв добродушно рассмеялся и сделал краткий экскурс в историю больницы.

Он здесь уже двадцать шесть лет. Начинал в должности санитара и уборщика. Он был ярким ревнителем чистоты – не только в больнице, но и в морге. Также из рассказа Клайва мне стало ясно, что за годы работы здесь он стал со смертью на ты и его уже ничем нельзя было пронять.

В свой первый день я со всей горячностью новичка готова была приняться за дело и была даже несколько разочарована тем, что, кроме кофе, мне ничего не предложили. Но именно сегодня никаких вскрытий не планировалось. Клайв умел ценить подобные дни. Работы нет, в хранилище – лишь несколько тел, все бумаги в порядке. Можно вздохнуть свободно. Вам, читатели, наверное, трудно представить, сколько на самом деле возни с трупами. На тот момент я и сама пребывала в неведении насчет этого.

День прошел за непринужденной беседой. Клайв преподал мне азы теории обращения с трупами, посвятил в тайны некоторых важных процедур. Меня представили другим сотрудникам – носильщикам, танатокосметологам и лаборантам, а кроме того, устроили ознакомительную экскурсию по больнице.

Домой, к любимым собакам Харви и Оскару, я вернулась совершенно измотанной – сама не знаю почему. Не терпелось узнать, что меня ждет завтра.

Глава 2

На следующее утро я явилась на работу за десять минут до начала, благо теперь знала, куда идти. Клайв уже вовсю трудился – он всегда приходил минут на сорок раньше – видимо, хотел быть на шаг впереди покойников. После приветствия Клайв угостил меня кофе. Минут через пять явился Грэм и сразу отправился в трупохранилище регистрировать тела, доставленные ночью. Я вызвалась в сопровождающие – хотелось узнать как можно больше о тонкостях новой работы.

Трупохранилище располагалось прямо напротив нашего кабинета. Это было просторное помещение с огромной морозильной камерой на двадцать восемь тел. Я увидела семь высоких дверей. Напротив холодильника стояли шкафы, большой стол, у стены была раковина и несколько корзин для мусора.

Доставив тело в морг, носильщики заполняют необходимые бумаги: имя умершего, откуда доставлен, в какой холодильник помещен. Сообщив мне это, Грэм направился к холодильнику и открыл дверцу. Я увидела стойку с четырьмя железными носилками, расположенными друг над другом. На носилках лежали мешки с трупами.

Грэм подкатил к дверце гидравлическую каталку и поднял ее до нужного уровня, энергично работая рычагом. Когда каталка достигла третьего яруса, он потянул носилки, и я заметила, что те передвигаются по рельсам. На белом мешке имелся прозрачный пластиковый кармашек, где лежала небольшая бежевая карточка с информацией об умершем.

Грэм вытащил карточку, раскрыл мешок и сверил информацию с той, что была на бирках, прикрепленных к запястью и большому пальцу ноги трупа. Он проделывал это невозмутимо, словно в тысячный раз выполнял привычную процедуру. Грэм был среднего роста, с густой седой шевелюрой и лицом человека, много времени проводящего вне дома. Он оказался добряком и прекрасным рассказчиком – своим мягким голосом с родным выговором он поведал мне множество удивительных историй. Кроме того, подкупала его удивительная прямота. С первых минут я почувствовала себя рядом с ним очень комфортно.

В мешке находился труп мистера Эванса. Увиденное меня шокировало. Мистер Эванс был пожилым человеком, и я полагала, что он безмятежно умер во сне. Вопреки ожиданиям, передо мной предстал костлявый старик с запрокинутой головой, широко открытыми глазами и разинутым ртом. Заметив мою реакцию, Грэм объяснил, что во время смерти жевательные мышцы расслабляются и рот раскрывается. Про глаза и выгнутую шею он ничего говорить не стал. В этот момент в хранилище заглянул Клайв и известил нас, что планируется вскрытие как раз этого трупа и нам следует доставить его в секционную и положить на средний стол.

В секционной стояло три стола, за каждый из которых отвечали санитары в соответствии с должностью. Старший санитар Клайв работал за первым, Грэм – за вторым. Я предположила, что мне как младшей предстоит встать за третий стол, и это меня вполне устроило. Клайв объявил, что этим делом будет заниматься коронер, который и потребовал вскрытия. Мистер Эванс скончался около недели назад – его доставили в больницу после того, как он упал у себя дома. Все смерти от несчастных случаев подпадают под юрисдикцию coronera, и он может потребовать вскрытия, объяснил Клайв. Кроме того, он сообщил, что смерть, скорее всего, наступила от легочной эмболии, в результате которой в ножных венах образуются тромбы, перемещающиеся по сосудам и блокирующие поступление крови в легкие. Я взглянула на него в полной растерянности, а он хмыкнул и направился в секционную, бросив напоследок:

– Скоро сама все увидишь.

На сегодня было запланировано только одно вскрытие, и Клайв предложил мне понаблюдать, как Грэм будет извлекать из тела органы, или, выражаясь научным языком, проводить эвисцерацию, а затем помочь ему прибраться. Я была только рада. Миновав вестибюль, я ока-

залась в небольшой раздевалке, где облачилась в синюю униформу, которая была мне велика размера на три. Хорошо хоть, что бахилы пришлось впору. В секционную я попала через раздевалку. Грэм уже был на месте. Он показал мне, где одноразовые шапочки, маски, перчатки и очки.

Из перчаток я наугад выбрала самые маленькие. Потом меня ждало сражение с шапочкой. Взглянув в зеркало, на которое указал Грэм, я увидела что-то среднее между персонажем научно-фантастического фильма или медицинской мыльной оперы и Папой Римским. В подобном облачении я чувствовала себя странно и неловко, и мне закралась мысль, что я тут не на своем месте.

Между тем Грэм снял с мистера Эванса одежду и подложил под поясницу трупа деревянный блок. Корпус слегка приподнялся, а позвоночник изогнулся, чтобы обеспечить нам доступ к шее. Грэм еще раз сверил все документы мистера Эванса с запросом на вскрытие. Убедившись, что перед ним тот самый человек, он пояснил, что идентификация тела – наша святая обязанность. Нередко по ошибке производится эвисцерация не тех тел, и в результате у больницы возникает масса проблем. Легко представить реакцию родственников на несанкционированное вскрытие. Судя по тону Грэма, с ним подобное уже случалось, но я воздержалась от расспросов, видя, что тема явно не была желанной для обсуждения. Для себя же я сделала зарубку, что идентификацией пренебрегать ни в коем случае нельзя.

Грэм взял лоток с инструментами для вскрытия и поставил его прямо на ноги мистера Эванса. Из лотка он вынул нож, по виду напоминающий столовый, – со стальной ручкой и сменным лезвием. Это, как я узнала потом, был патологоанатомический нож РМ40. Кончик ножа Грэм приставил к верхней части корпуса трупа, чуть ниже кадыка, и одним легким движением произвел разрез до самого лобка. Затем внутри этого разреза он сделал еще один, небольшой, но более глубокий, чуть ниже грудной клетки. Запустив туда пальцы, он рассек мышечный и жировой слои, чтобы обнажить внутренности. Этот разрез он сделал более глубоким и длинным, чтобы стали видны все органы брюшной полости. Затем он принялся осторожно отделять кожу от ребер искусными движениями ножа. За пару минут кожа мистера Эванса была полностью отделена от тела и повисла по обе стороны стола, как будто Грэм растянул на теле «молнию», чтобы потом застегнуть ее снова.

Грэм сполоснул нож РМ40 и положил обратно в лоток. Затем смыл со стола кровь и сказал мне, что некоторые трупы кровоточат сильнее других – это зависит от времени смерти. Затем Грэм взял инструмент, напоминающий небольшой садовый секатор. Разъяв верхнее и нижнее лезвия, он приладил их зазор к нижнему ребру мистера Эванса с правой стороны. Грэм начал с треском разрезать ребра, продвигаясь снизу вверх, пока не дошел до последнего. То же самое он проделал и с левой стороны, чтобы удалить переднюю часть грудной клетки – большой треугольник, напоминающий доисторического краба. Я увидела сердце, легкие и значительную часть печени. Грэм отложил «краба» в сторону и немного опустил стол, оказавшись прямо над кишечником мистера Эванса. Кишечник был полностью обнажен и готов к исследованию.

Взяв ножницы, Грэм разрезал кишечник возле желудка. Он потянул кишки на себя и принялся их разматывать, периодически надрезая жирную пленку, которая удерживала их на месте. Через несколько минут кишечник лежал в тазу из нержавеющей стали, стоящем у ног мистера Эванса. Пока Грэм занимался этой рутинной работой, я почувствовала запах. Я не сразу поняла, что он мне напоминает, и тут Грэм сообщил, что когда-то работал на бойне, и до меня сразу дошло. Запах был в точности как у мясников!

Когда мне удалось собрать мысли, Грэм уже извлек оставшиеся органы из разъятого корпуса (я и не заметила, как он это сделал) и теперь ввел нож РМ40 в горло мистера Эванса. Он орудовал лезвием под кожей, подбираясь ко дну полости рта. Через мгновение он рассек дно и подрезал язык, чтобы освободить органы рта и шеи. А затем Грэм сделал нечто такое, что показалось мне черной магией: он протянул язык мистера Эванса через горло, не повредив его,

и стал вслед за ним, как гирлянду, отделять от позвоночника легкие, сердце, печень, желудок, селезенку, почки... Я была поражена (это поражает меня и по сей день) тем, как все органы соединены между собой.

Грэм извлек все органы из тела и стоял, демонстрируя мне так называемый «ливер» – органокомплекс мистера Эванса. Язык лежал на ладони Грэма, а ниже, на столе, распласталась пристегнутая к нему остальная цепочка органов, за исключением кишечника и мозга. «Ливер» Грэм поместил во второй таз и поставил обе емкости на стол для патологоанатома. Затем мы прибрались, переоделись в чистую форму и вернулись в кабинет, чтобы выпить кофе.

Клайв уже позвонил патологоанатому, доктору Эду Барберри, и тот сообщил, что придет к половине одиннадцатого. У нас был час свободного времени. Мы с Грэмом захватили кофе и вышли перекурить под навес за дверями морга.

Морг, как уже было сказано, располагался на первом этаже патологоанатомического корпуса. Сидя у дверей, мы видели снующих туда-сюда сотрудников больницы, будучи сами скрыты от чужих глаз слепой зоной. Перекурив, мы немного прогулялись вокруг парковки. «Чтобы собраться с мыслями», – пояснил Грэм. Далеко нам уйти не удалось – у Грэма здесь было так много знакомых, что он заговаривал почти с каждым встречным. В этой больнице он работал уже лет сто – прежде чем заняться покойниками, был водителем. Он познакомил меня с кучей народа, но я знала, что все равно никого не запомню. Похоже, пройдет не одна неделя, прежде чем я соберусь с мыслями.

После перерыва мы вернулись в секционную. Грэм зашил нижнюю часть торса мистера Эванса, оставив верхнюю разъятой, чтобы вложить туда органы, когда доктор Барберри закончит работу. Он вытащил деревянный брусок из-под спины мистера Эванса и подложил его ему под голову. Скальпелем Грэм сделал надрез за правым ухом трупа, а затем провел лезвием по затылку до левого уха. Мне он пояснил, что делать такой надрез на голове нужно как можно ниже. Если родственники захотят увидеть покойного после вскрытия, то чем ниже будет надрез, тем меньше вероятность, что его заметят – ведь голова будет покоиться на подушке. У санитаров немало таких маленьких хитростей, с помощью которых они скрывают следы своей работы. Меня тронула забота Грэма о родных мистера Эванса, хотя после его слов я еще острее осознала реальность того, что происходит.

Грэм между тем принялся отделять скальп мистера Эванса от черепа. Это была задача не из легких – Грэм даже побагровел от напряжения. В конце концов работа была сделана, и скальп лег на лицо мистера Эванса. Грэм при помощи трепана отделил свод черепа, чтобы обнажить мозг. Запустив пальцы между мозгом и лобной костью, он осторожно потянул мозг на себя, чтобы ввести скальпель в образовавшуюся полость. Я поинтересовалась, что он делает, и он объяснил, что нужно разрезать волокнистую пленку, которая удерживает на месте мозжечок, а затем перерезать черепные и спинномозговые нервы. Сделав это, он вынул скальпель и с пугающей легкостью и спокойствием извлек мозг из черепной коробки.

Вскоре прибыл доктор Барберри. Грэм объяснил мне, что Барберри – главный патологоанатом департамента и несет ответственность за морг и за все, что в нем происходит. Грэм гордился своими хорошими отношениями с доктором:

– Мы отлично ладим. Я могу говорить с ним обо всем. Но при этом всегда помню о субординации.

Мне было интересно посмотреть, что же это за таинственный доктор Барберри – Клайв тоже был о нем высокого мнения.

Доктор производил впечатление важной персоны. Ему было слегка за сорок. Среднего роста, хорошо сложен, прекрасные манеры. Он оказался не таким, как я ожидала, потому что выглядел совершенно обычно и вовсе не походил на такого сурового профессора, каким люди нередко воображают тех, кто занимает подобное положение. Он с улыбкой приветствовал нас,

и я снова почувствовала себя не в своей тарелке – не стоило все-таки соваться со свиным рылом в калашный ряд. Кто я такая, чтобы разговаривать с человеком столь высокой квалификации? Я уставилась на Грэма в поисках поддержки. Интересная у нас собралась компания: чокнутая тетка, мечтающая работать с трупами, бывший работник бойни, презирающий карьеру, и доктор Барберри – патологоанатом высочайшей квалификации, которому предстояло детально исследовать внутренние органы мистера Эванса и определить, что его убило.

А затем произошло нечто такое, во что я никогда бы не поверила. Да и вы тоже. В секционной, над столом, заваленном кишками мистера Эванса, Грэм и доктор болтали как старые друзья. Они говорили о крикете, о телевидении, о погоде, о планах на вечер. Эд Барберри потребовал включить радио на полную громкость. Он исследовал органы и затем перекладывал их в пластиковый поддон, а Грэм взвешивал их и записывал результаты. При этом они совершенно непринужденно общались, и было видно, что работа никак на них не влияет. А я стояла в отдалении и с изумлением взидала на происходящее. Атмосфера была настолько комфортной, что ко мне снова вернулась уверенность.

В течение получаса доктор Барберри управился с исследованием и покинул секционную. Грэм вернул органы в тело мистера Эванса и зашил разрезы. Меня он попросил вымыть рабочий стол доктора и продезинфицировать все поверхности, что я с удовольствием и сделала. Наконец-то я почувствовала себя полезной!

Глава 3

Подав заявление на должность санитара морга, я не сразу сообщила об этом родителям, брату Майклу и деду. Хотя у нас очень теплые отношения, все же о некоторых вещах лучше не говорить, пока не будешь окончательно уверен. Но я все-таки не удержалась, получив письменное уведомление о том, что после демонстрации вскрытия меня включили в приоритетный список кандидатов.

Родители были в курсе, что работа в интернате мне не по душе, однако советовали не бросать ее, пока не найду другую. У меня были перед ними определенные обязательства. В нашей семье все очень ответственные, и я не знала, как они отреагируют на подобный шаг. Мама с папой знали о моем увлечении криминалистикой – мой книжный шкаф был забит литературой о преступлениях и преступниках. Но я полагала, что моя новая работа не будет напрямую связана с убийствами и что увлекательных криминальных историй, которые так часто показывают по телевизору, там будет немного. Позже выяснилось, что я не ошиблась.

Когда меня пригласили на интервью, я ничего не сказала даже своим коллегам на прежней работе, но мне не терпелось с кем-нибудь поделиться. После своей первой смены я вернулась домой около половины третьего, взяла собак, и мы отправились пешком за две с половиной мили к родителям. Мама, как всегда, страшно обрадовалась Харви и Оскару, а папа крикнул из кухни:

– Эй, смотрите-ка, парни вернулись!

Стоило псам услышать его голос, как они тут же кинулись тщательно его облизывать.

– Все хорошо, дорогая?

Сколько себя помню, папа всегда задавал мне этот вопрос. Мама тоже была верна себе:

– Ты голодная? Я как раз заваривала чай, присоединяйся.

И потом:

– Тебе не нужны деньги?

А закончила традиционным:

– Люк (это мой бойфренд) хорошо о тебе заботится?

Получив ответы на все вопросы, она ушла заниматься чаем. Настала папина очередь.

– Хорошо, что ты еще не забыла, где мы живем, – сказал он.

Этот укор я слышала всякий раз, когда не общалась с родителями больше трех дней.

После обычных разговоров о работе и жизни в целом я решилась наконец открыть правду. Мама, к моему удивлению, обрадовалась.

– Ты будешь работать с трупами? – воскликнула она. И добавила, понизив голос:

– Если бы мне было столько же лет, сколько тебе, я бы тоже этим занялась.

Папа отреагировал иначе:

– Это дурная наследственность, особенно если посмотреть на линию твоей матери.

Мне на ум сразу пришла «Семейка Аддамс», потому что Адамс – девичья фамилия мамы. В выпускном классе меня прозвали Мортишей – за бледное лицо и длинные темные волосы. Впрочем, я сказала родителям, что ничего пока не решено и это был лишь очередной этап интервью.

Когда же пришла пора настоящего собеседования, мама даже взяла отгул, чтобы поехать со мной. Папа ограничился пожеланием удачи. Мне показалось, что перспектива моей новой работы вдохновляет маму даже больше, чем меня. Она ждала меня в кафе рядом с больницей, пока мне задавали кучу вопросов на тему того, почему я хочу получить эту работу и как я справляюсь с совершенно незнакомыми ситуациями. Чаще всего я отвечала, что в случае возникновения трудностей обращусь за помощью к более опытному сотруднику. Мне показалось,

что двадцать минут длились целую вечность. В конце концов меня отпустили, сообщив, что во второй половине дня со мной свяжутся.

Я вернулась к маме. Она не стала меня донимать, спросила лишь, как я себя чувствую и не хочу ли что-нибудь выпить, чтобы расслабиться. И в эту минуту зазвонил мой мобильный. Меня взяли. Мама так сжала меня в объятиях, что я едва не испустила дух. Я позвонила папе, чтобы сообщить новость. Он сдержанно произнес:

– Очень рад, милая.

Потом я позвонила Майклу. Тот отреагировал совершенно типично:

– И что теперь?

Что до Люка, то он обрадовался, потому что знал, как для меня было важно получить эту работу. Он даже предложил вечером отпраздновать столь радостное событие.

В завершение мы с мамой навестили деда и все подробно ему рассказали. Хотя я не была уверена, что он правильно понял то, что услышал, но он определенно гордился тем, что внучка будет работать в крупной больнице.

Глава 4

Мне предстояло многому научиться и в первую очередь познакомиться с коронерской службой. Коронер – это чаще всего юрист, хотя некоторые из них имеют медицинское образование. Если квалифицированный врач не может констатировать естественный характер наступления смерти, к расследованию ее причин привлекается коронер. С этого момента тело поступает в его полное распоряжение и даже близкие родственники не могут помешать ему потребовать вскрытия, если того требует расследование.

Отсюда и значимость коронерской службы. Клайв сказал, что по существу морг работает на коронера, потому что после скандалов в Бристоле и Олдер-Хее вскрытия в больницах в образовательных или исследовательских целях почти не проводятся. Этот процесс требует согласия ближайших родственников, а поскольку причина смерти уже установлена, то семьи крайне редко соглашались, чтобы кто-то, пусть даже и в интересах науки, копался в кишках их близких.

Причины неестественной смерти далеко не всегда очевидны, поскольку, помимо самоубийства, насилия (в этом случае аутопсия проводится судмедэкспертом, а не коронером) или несчастного случая, смерть бывает вызвана, например, профессиональным заболеванием, которое возникло по легкомыслию либо самого человека, либо кого-то другого.

О подобном случае я сейчас расскажу.

Еще не минуло недели с момента моего вступления в должность, когда в наш морг привезли труп из Амбер-Корт. Амбер-Корт – это огромный дом престарелых, расположенный в другой части графства. Стоимость пребывания там невысока, но вот за качественный уход придется раскошелиться. Обитает там огромное количество несчастных больных стариков, а обслуживающий персонал состоит из маргиналов, поскольку руководство принимает на работу всех, кто дышит и ходит. Платят этим людям мало, работают они из рук вон плохо, и доверенные им старики живут в ужасных условиях. Я так и представляю себе маленького сального жирняка, засевшего в своем кабинетике и потирающего ручки в предвкушении барышей от так называемого ухода.

Поскольку в Уэст-Мидлендсе было хорошо известно, что собой представляет Амбер-Корт, почти каждая смерть, произошедшая там, оказывалась в поле зрения коронера, который призван был выяснить, не умер ли обитатель учреждения из-за халатности персонала. Поэтому практически все умершие там подлежали вскрытию.

Клайв с невероятной быстротой извлек внутренние органы высохшей, почти бестелесной престарелой дамы, миссис Этель Хамблер. И тут доктор Эд Барберри, который вновь почтил нас своим присутствием, обнаружил нечто такое, от чего смолкли привычные разговоры, а Клайв даже выключил радио. При вскрытии в трахее миссис Хамблер была обнаружена бумажная салфетка. Когда Эд ее развернул, все вздрогнули – в углу было написано имя умершей. Сразу стало понятно, что произошло. Так называемые опекуны, абсолютно неграмотные в медицинском отношении люди, оставили ее обедать в одиночестве – несмотря на то, что женщина страдала тяжелой деменцией и полностью утратила связь с реальностью. Решив, что должна съесть все, что находится перед ней, старушка, поскольку рядом не было никого, кто мог бы ей воспрепятствовать, сжевала заодно и бумажную салфетку, которая застряла в горле.

Установив причину смерти, Эд сообщил об этом коронеру. Позже Клайв рассказал, что этим дело не кончилось. По логике эту смерть можно было квалифицировать как несчастный случай. Но несчастные случаи бывают разные – некоторых не только можно, но и нужно избегать. Задача коронера заключалась как раз в том, чтобы провести между ними границу. Я же поклялась себе, что никто из моих родных никогда не окажется в доме престарелых. Я буду

ухаживать за ними, как бы трудно это ни было, но ни с кем из них не произойдет ничего подобного.

В завершение Клайв вложил внутренние органы на место и придал телу пристойный вид – теперь старушка выглядела лучше, чем до вскрытия. Затем тело отправили в хранилище, где миссис Хамблер в обществе других усопших должна была ожидать сотрудников ритуальной службы.

Глава 5

Как и большинство из нас, я всегда полагала, что морги имеют дело только с мертвыми. Но скоро поняла, что ошибалась.

Однажды, услышав звонок, я подошла к красным дверям и увидела курьера с большой желтой корзиной примерно фут глубиной и два фута в диаметре. Он сунул корзину мне:

– Из службы доставки.

– Что это? – спросила я.

Курьер посмотрел на меня.

– Поскольку я не чертов аист, это точно не чертов младенец.

С этими словами он удалился.

В вестибюле появился Клайв. Увидев, что я в недоумении рассматриваю корзину, он поморщился:

– Ох...

– Что это? – спросила я.

Он забрал у меня корзину.

– Продукты.

– Продукты? – непонимающе переспросила я.

– Продукты зачатия, – сказал Клайв.

Я все еще не понимала. Мы дошли до хранилища, где Клайв поставил корзину на поддон и повернулся ко мне.

– Результаты аборт, выкидышей и все такое, – пояснил он.

Мне слегка подурнело.

– Их доставляют сюда? – недоверчиво спросила я.

– Куда же еще?

Я никогда об этом не задумывалась, но теперь мне стало ясно, что это правильно.

– И тут есть младенцы? – нервно спросила я.

Клайв улыбнулся:

– Что ты, Шелли, конечно, нет. Если ребенок родился мертвым или умер сразу после рождения, с ним поступают так же, как и с обыкновенным покойником. Но результаты абортов и выкидышей на раннем сроке ничем не отличаются от обычных тканей.

Мне как-то не захотелось думать об этих тканях.

– И что с ними будет дальше?

– С ними мы обращаемся как обычно. Если родители желают их похоронить, их передают сотрудникам ритуальной службы. Если захотят кремацию, значит, так тому и быть. Впрочем, чаще всего родители предоставляют все нам. Мы приглашаем священника, а затем отправляем ткани в крематорий. К ним относятся с должным уважением.

Примерно через месяц ситуация повторилась – я открыла дверь, и на пороге снова стоял курьер. Теперь у него было белое пластиковое ведро с крышкой. Оно имело около восемнадцати дюймов в диаметре и фута три в высоту. Курьер вручил доставку с таким видом, словно дарил мне цветы.

– Это вам, – сказал он.

Я ничего не понимала. Снова продукты зачатия? Обычно их доставляли в одинаковой таре, но, возможно, она закончилась и решили использовать то, что было под рукой.

Ведро оказалось страшно тяжелым. Когда я слегка его тряхнула, внутри раздался стук. Там было что-то большое. Меня охватила паника – неужели кто-то ошибся и положил туда ребенка?!

Я позвала Клайва.

Он выглянул из кабинета. Увидев, что у меня в руках, сказал:

– Поставь в нижний холодильник слева.

– А что это?

Клайв улыбнулся:

– Судя по размерам, это нога.

Я чуть не уронила ведро.

– Нога?!

– Ну да, – кивнул Клайв. – Руки кладут в ведра поменьше.

Я доковыляла до холодильника и сделала, как велел Клайв. Я знала, что в нижнем холодильнике слева хранятся продукты зачатия, но не понимала, что там могут находиться и другие «ткани». Потом я вернулась в кабинет. Грэм взял отгул, чтобы поохотиться, и мы с Клайвом были вдвоем.

– Значит, к нам доставляют и конечности тоже?

– Ну да, из операционных. А еще стопы и кисти.

Клайв помолчал и добавил с хитрой усмешкой:

– А вот головы не доставляют – по крайней мере, из операционных.

Клайв рассказал, что бо́льшая часть ампутированного материала отправляется наверх, в лабораторию, где исследуется патологоанатомами. Но некоторые фрагменты тел не требуют такого исследования. Мелкие части – например пальцы, которые уже невозможно спасти, и необходима экстренная ампутация – прямо в операционной отправляются в корзину. Руки и ноги (конечности ампутируют из-за травм или проблем с кровоснабжением) слишком велики, поэтому их отправляют в морг, где они находятся в ожидании кремации.

– Вообще-то, это еще не все, – сказал Клайв. – Кое-кто постоянно что-то откапывает.

На лице моем выразилось полное непонимание, и он пояснил:

– Кости и все такое. Полиция доставляет это сюда, и кто-нибудь из патологоанатомов определяет, человеческие ли это останки.

Я собралась совсем испугаться, но Клайв все испортил, добавив:

– Этого никогда не бывает...

– Чьи же это кости?

– Чаще всего овечьи или собачьи. К счастью, серийные убийцы встречаются редко.

– И все же полиции нужно убедиться?

Клайв кивнул.

– Иногда попадаются очень странные находки. Однажды нам привезли нечто, похожее на кисть в дамской перчатке. Кто-то нашел ее во время чистки канализации.

– Господи боже! Как она туда попала?

Клайв расхохотался.

– Бедняга Эд долго с этим возился. Сначала решил, что это настоящая кисть, но в итоге выяснилось, что кто-то набил перчатку куриными костями и фаршем.

– Вот черт!

– Похоже, кому-то это показалось удачной шуткой.

– Очень дурацкая шутка!

– Мир кишит идиотами, Шелли...

Мы пили в кабинете кофе. Закончив, Клайв отодвинул кружку и сказал:

– А однажды нам привезли настоящую ступню.

– Одну? – недоверчиво спросила я.

– Одну, – подтвердил Клайв. – В кроссовке. Ее нашли на берегу реки, возле старой часовни. Она почти полностью разложилась.

– И чья она была?

Клайв пожал плечами.

– Не знаю. Мне кажется, они так и не разобрались.

В памяти всплыло огромное количество случаев из моей обширной криминальной библиотеки.

– А расследование?

– Забавно, но полиция привезла ступню в субботу вечером и оставила здесь на пару дней. Никакого шума, никакой общенациональной тревоги. В понедельник кто-то пришел и забрал ее. Нет тела – нет дела.

– Правда?

– Чистая. Мы думали, что появится объявление о розыске одноногих ребят или психа с мачете, который рубит ступни, но ничего подобного. Лишь через несколько недель мы узнали, что удалось выяснить.

– И что же?

– Ступня принадлежала бродяге, который упал в реку Северн в Вустере. Тело обнаружили в камышах – оно почти полностью разложилось. Похоже, ступню просто подхватило и унесло течением. Именно такая версия и была у полиции, поэтому никакого шума не поднялось.

– И они не удосужились сообщить вам об этом сразу?

Клайв пожал плечами.

– Ты сама скоро поймешь, что мы находимся на низшей ступени пищевой цепочки, Шелли. Мы падальщики – те, кто делает грязную работу за гроши, и все вокруг это знают. Никто не считает себя обязанным что-то нам сообщать. Мы узнаем о чем-либо, лишь когда нас хотят запугать.

Клайв говорил спокойно, но в его словах чувствовалась горечь.

Глава 6

На следующей неделе установилась необычайно теплая для апреля погода, а в моей жизни появился Барри Паттерсон. Как и большинство мужчин, которых я знала, он принес только проблемы. Впрочем, он был не совсем обычным мужчиной. Даже совсем необычным. Мистер Барри Паттерсон весил 254 килограмма, и появился он в пятницу.

Когда раздается звонок, никогда не знаешь, что тебя ждет. Когда Грэм открыл дверь, перед ним стояли четверо здоровенных, потных и громко матерящихся ритуальщиков. На складной каталке, которая готова была вот-вот развалиться, помещались носилки, а на них под простыней высилась настоящая гора, словно там лежало не одно, а три тела. Каталка страшно скрипела; простыня с трудом скрывала распластавшуюся под ней тушу. Поприветствовав нас, ритуальщики покатали это монструозное сооружение в хранилище.

Я была в недоумении, но Клайв и Грэм сразу догадались, в чем дело, и это повергло их в уныние. Мне не терпелось все узнать, но никто не спешил развеять мое неведение. Ритуальщики, ужасно ругаясь, переместили эту глыбу на гидравлическую каталку, которая тут же сползла в максимально низкое положение, словно испустив дух. Простыню сняли, и я узрела самого толстого человека в мире. Ритуальщики поведали нам его историю.

Мистер Паттерсон пожаловался на одышку, что неудивительно при таком весе. Его близкие позвонили в «Скорую», но он, увы, умер до ее прибытия. Мало того – в прибывшей машине не оказалось оборудования для транспортировки такого огромного тела, поэтому санитарам пришлось призвать на помощь coronera, который, в свою очередь, вызвал ритуальщиков. Но даже этим громилам вместе с помощниками не удалось сдвинуть покойника с места. Пришлось вызывать пожарных, которые, наконец, оторвали мистера Барри Паттерсона от смертного одра, да и то с помощью грузовой лебедки. А потом шестеро мужчин переложили тело на носилки, используя ремни и подъемное оборудование. После всего случившегося я часто думаю о том, присутствовали ли при этом члены семьи и что они чувствовали.

Ритуальщики уехали, оставив нас наедине с проблемой: на нашей единственной хорошей каталке возлежал труп весом в два с половиной центнера, в то время как она могла выдержать не более 220 кг. Стоит ли говорить, что ей пришел конец. Кроме того, в нашем морге можно было разместить 40 тел, а для крупногабаритных обитателей отводилось восемь мест; при этом рассчитывалось, что вес самого тучного не превысит 160 килограммов. Поместить мистера Паттерсона в холодильник не представлялось возможным, поэтому ему суждено было лежать на каталке при комнатной температуре, пока coroner не распорядится насчет аутопсии. Сейчас был вечер пятницы, а coroner мог сделать распоряжение не раньше понедельника. Если тело не заморозить, оно начнет разлагаться, и в отношении мистера Паттерсона процесс точно не заставит себя ждать. Пара дней форы, может быть, у нас и есть, но дальше тянуть уже однозначно нельзя, потому что труп тогда начнет попросту представлять угрозу для окружающих.

Позвонив coroneru, Клайв выяснил, что это дело находится в ведении некоего Невилла Стаббза. На тот момент я была еще не в курсе того, что ничего хорошего нам это не сулит, и недоумевала, с чего это Клайв так скривился. Вскоре выяснилось, что Невилл вполне нормальный парень, только жутко рассеянный. К примеру, запрос на вскрытие он набирал сразу в теле письма и нередко забывал нажать «отправить» или отправлял, но в гистологическую лабораторию. Теперь всякий раз, когда я звоню в гистологию, мне приходится выслушивать по тому поводу шуточки.

Клайв объяснил Невиллу ситуацию и попросил прислать запрос на вскрытие к вечеру, чтобы мы могли сделать все необходимые приготовления к понедельнику и как можно скорее передать тело в ритуальную службу. Невилл заверил его, что займется этим немедленно. Клайв

и Грэм вздохнули с облегчением, но была еще одна проблема – нам предстояло каким-то образом переместить эту тушу на патологоанатомический стол.

Вечером мы расходились в подавленном настроении. Хотя Клайв и успокаивал нас тем, что, мол, мы сделали все, что было в наших силах, не могу сказать, что с нетерпением ждала понедельника.

Придя домой, я захватила кое-что из одежды, деньги, собак и отправилась к родителям. В половине седьмого уже совершила налет на папин винный шкаф. Я сообщила родителям, что останусь у них на выходные и что чуть позже к нам присоединится Люк.

Я думала о своей новой работе. Что меня больше всего поразило за две первые недели в морге – это царившая там строжайшая конфиденциальность. Я и по опыту прежней работы знала, насколько это важный момент, но в морге этому придавалось особое значение. Я и мои коллеги чувствовали своей священной обязанностью уважать мертвых и хранить их тайны. У мертвых ведь нет ничего, кроме достоинства. Поэтому кое-что из морга выносить не следует.

Еще я думала о Люке. За все время, что я трудилась в новой должности, он не выказал ни малейшего удивления по поводу моего решения. Я посвятила его во все тонкости своей новой работы и, если честно, ждала, что он хоть как-то отреагирует... Не знаю, посмотрит на меня так, как будто у меня выросла еще одна голова... Но нет – он всего лишь поддержал меня. Не стал задавать лишних вопросов, не изменил своего отношения ко мне... Кстати, Люк – инженер, и у него очень ответственная и напряженная работа. Мы вместе уже около года, и за это время я ни разу не видела его раздраженным по поводу каких-то неурядиц на службе. Единственное, что его бесило, – это автохамы. Люк обладал редкой способностью оставлять работу на работе и почти не касался этой темы в общении со мной.

По мере того как вечер подходил к концу, мои мысли все чаще стали возвращаться к мистеру Паттерсону. Нелегко было не только не думать, но и думать о том, что ждет меня утром в понедельник.

Глава 7

Даже если бы я не думала о мистере Паттерсоне все выходные, едва уловимый запах, донесшийся до меня, когда я с утра вошла в морг, живо вернул бы меня с небес на землю. Я еще не успела привыкнуть к трупному запаху, но порой к нам привозили тела, уже начавшие разлагаться, так что совсем уж незнакомым он не был.

Пахло едва-едва, однако этот дух был настолько специфическим, что не походил ни на один из известных на земле запахов, и сколь бы часто вы его ни обоняли, привыкнуть к нему невозможно. Выругавшись про себя, я быстро прошла в кабинет. Клайв и Грэм уже были на месте. Двери они закрыли, надеясь избавиться от миазмов мистера Паттерсона. Грэм заварил мне растворимый кофе, и мы обсудили предстоящую работу. Клайв так и не придумал, как переместить тело на стол. Впрочем, атмосфера царила такая, что думать в принципе было трудно.

Время едва тащилось – обычная бумажная рутина, уборка и разборка. Запрос на вскрытие до сих пор не поступил. О чем, черт побери, думает Невилл? Он обещал отправить его сразу, как только сможет, и, поскольку офис coronera работает дольше, чем морг, Клайв рассчитывал, включив с утра компьютер, увидеть запрос у себя в почте. Но не тут-то было. Тело мистера Паттерсона выглядело вполне прилично – немного зеленых разводов на животе и плечах, но никакой слизи и прочих неприятностей. В верхней части бедер, правда, появились язвы, но коллеги сказали, что это не проблема.

Наступил вторник. Клайв включил компьютер, но запроса на вскрытие так и не обнаружил. Звонить Невиллу смысла не было – все равно раньше девяти он не появится. В этот день нам нужно было провести вскрытие двух старушек – хоть какое-то развлечение, – но даже Эд Барберри, подпевающий Джону Денверу за работой, не мог не обращать внимания на усиливающееся амбре.

Все это время Клайв пытался придумать, как нам водрузить мистера Паттерсона на стол. Сделать это без специального оборудования, вручную, мы бы не смогли, а наш подъемник был рассчитан не более чем на 130 килограммов, так что оставалось только молиться, чтобы никто не пострадал. Клайва подобная перспектива отнюдь не вдохновляла, но, поскольку запрос на вскрытие так и не пришел, пришлось смириться.

Сколь бы невероятным это ни казалось, но прошел еще день, а мы так и не дождались запроса из службы coronera. Клайв несколько раз звонил Невиллу. Он уже начинал злиться, но тот никак не мог связаться с врачом мистера Паттерсона и добыть историю болезни, чтобы узнать, нужно ли делать вскрытие. Мистер Паттерсон по-прежнему лежал в хранилище на сложенной каталке. Его присутствие все более и более удручало нас, и зелень расплзалась по его груди. Вся больница чувствовала: что-то не так. К нам стали поступать жалобы на вонь – как будто это мы были ее причиной. Больше тянуть было нельзя. Одно утешало: после часа в этих стенах запах уже не ощущался, потому что обоняние попросту капитулировало. Даже родственников к умершим мы вынуждены были не пускать, потому что зловоние проникло в зал прощаний. Я слышала, как Клайв врет им что-то насчет полицейского запрета. Невилл по-прежнему безмолвствовал.

И вот наконец на следующее утро Клайв обнаружил у себя на почте долгожданный запрос. Что ж, одной проблемой меньше. Теперь предстояло переложить мистера Паттерсона на стол. Гидравлический подъемник работать категорически отказывался. Тело располагалось ниже патологоанатомического стола, и мы не могли просто передвинуть его на стол. Требовалось больше мужской силы. Грэм позвонил носильщикам и попросил прислать сюда пару самых крепких парней. Они явились через десять минут. Увиденное и унюханное выбило

почву у них из-под ног, но они все-таки принялись за работу. Нам пришлось трудиться впятером, но в итоге все-таки удалось поднять каталку и перевалить гигантский труп на стол.

Теперь его нужно было раздеть. Грэм, не церемонясь, разрезал на трупе одежду и стянул ее вместе с кожей и слизью, а мы с Клайвом перекачивали тело мистера П. с боку на бок. От этого мы почти рехнулись.

Раздетый мистер Паттерсон являл зрелище печальное и ужасное. Его бока свисали со стола, тело потемнело и покрылось зеленой слизью, на коже начали появляться язвы. Грэм занялся привычным делом – извлечением внутренностей. Естественно, этот процесс не вызывал у него энтузиазма, но действовал он, как всегда, профессионально и энергично. Поскольку труп был весь в слизи, Грэму нужно было действовать очень осторожно, чтобы не оттяпать себе пальцы. При вскрытии тучного тела самое трудное – разрезать слои жира. А когда эта работа сделана, извлечь органы уже не представляет труда, потому что они обычно ненамного больше органов обычного человека. Грэм пыхтел и ругался, пытаясь удерживать жировые слои, чтобы они не мешали вынимать органы, и хоть Грэма нельзя назвать низкорослым, но работать ему приходилось, стоя на цыпочках. Все его инструменты блестели от прилипшего к ним жира. Клайв шепнул мне между делом, что, пожалуй, нужно было на всякий случай обвязать щиколотки Грэма веревкой.

Никогда не верьте сказкам о том, что у толстяков широкие кости. Внутри мистера Паттерсона обитало крошечное существо, отчаянно пытавшееся не задохнуться. Со временем доктор Барберри обнаружил у покойного тромбоз глубоких вен – по-видимому, тромб оторвался, что и вызвало легочную эмболию. По мнению доктора, это было неизбежно, поскольку мистер Паттерсон практически не двигался.

После вскрытия Грэм занялся восстановлением тела. Надо сказать, что зашить тучного покойника трудно – из-за избытка жира кожа утрачивает прочность и при прокалывании рвется. И даже если этого не происходит, еще не факт, что края разрезов сойдутся. Грэм рассказывал, что, когда он только начинал, ему попадались крупногабаритные трупы, у которых после зашивания один сосок оказывался на два дюйма выше другого. Но теперь он уже выработал свой оригинальный и вместе с тем простой способ восстановления крупных тел. Он рисовал на коже трупа три горизонтальные линии и при шивании следил, чтобы они сошлись в точках, где проходил разрез. Результат был идеален!

Однако проблемы на этом не закончились, потому что вскрытый труп мистера Паттерсона был изнутри затоплен содержимым кишечника, что представляло угрозу для окружающих. У нас не оказалось мешка подходящего размера, а в холодильник тело не влезало. Клайв опасался за здоровье всех работников морга. Хотя любой труп представляет определенную опасность и сотрудники рискуют всякий раз, но тело обычного размера можно упаковать в пакет и вернуть в холодильник. Мистер Паттерсон же лежал неприкрытый и сочился жидкостями, которые стекали прямо на пол. Клайв позвонил Невиллу, чтобы сообщить, что мы готовы передать тело в ритуальную службу, как только Эд сообщит им причину смерти. На этом наша работа была закончена. Поначалу ритуальная служба отказывалась забирать от нас огромный труп – разлагающиеся тела были нужны им не больше, чем нам.

Что же нам делать с этим телом? Нельзя оставлять его на столе на выходные, чтобы по полу растеклась отвратительная лужа. Клайв резонно предположил, что после этого морг попросту закроют, а вся история просочится в прессу. Он подумывал обратиться в департамент контроля инфекций, но не знал, как с ними связаться. Он поделился своими тревогами с Эдом. К счастью, тот знал, как решить проблему. За час все устроилось: за несколько тысяч фунтов мы арендовали рефрижератор, куда мистер Паттерсон наконец-то поместился, и ритуальная служба любезно согласилась забрать тело. Барри Паттерсон покинул здание больницы прямо перед закрытием. Гроб, в котором он отправился в последний путь, напоминал огромный шкаф, который несли восемь человек.

Глава 8

После этого кошмара я решила навестить в паб и по этому случаю позвонила Мэдди. Мы с ней начали работать примерно в одно время – она была ассистентом лаборатории в отделении гистологии и занималась какими-то несложными исследованиями. В ее обязанности, среди прочего, входила доставка в морг абортивных отходов для «достойной» утилизации. Как я уже упоминала, в отличие от обыкновенных медицинских отходов, к ним проявляли уважение – священник читал отходную и только после этого потенциальные люди отправлялись в печь. Мы с Мэдди быстро подружились.

Она приехала из Уэльса, и здесь у нее никого не было, а поскольку Люк не стремился во всем меня контролировать, мы с ней частенько захаживали после работы выпить и поболтать. Наша дружба крепла. В тот вечер я была совершенно измотана мистером Паттерсоном и не могла не выплеснуть этого на Мэдди. Мы заглянули в ближайший к больнице паб, но там торчала компания шумных подростков, и пришлось переключиться в старый бар «Файрстоун», где царила очень приятная атмосфера – спокойный свет, темные интерьеры и никаких огромных кожаных диванов, на которых всегда клонит в сон. Нам удалось занять традиционный столик у окна. Мы разглядывали прохожих и обсуждали их катастрофические наряды. Медицинская униформа давала нам право критиковать весь мир. Мы засиделись, а потом на такси добрались до меня, чтобы продолжить вечер и побесить соседей шумной музыкой.

Глава 9

В понедельник утром Клайв заявил, что я уже готова самостоятельно провести эвисцерацию. Мне предстояло извлекать и взвешивать органы для патологоанатомов, поэтому я настроилась на грязную и вонючую работу. Это было для меня в новинку, я сильно нервничала.

В скором времени я – в спеckоcтюме и вся охваченная трепетом – стояла в секционной. Передо мной на столе лежала маленькая обнаженная старушка. Я стояла у истоков процесса, в результате которого родственники умершей должны были узнать причину ее смерти. Я впервые работала в секционной с Клайвом. Поскольку он был старшим санитаром, в его обязанности входило натаскивать новичков, и на обычные вскрытия времени не оставалось, так как его ждала еще масса бумажной работы. Так что вскрытиями обычно занимались мы с Грэмом.

Для начала Клайв сделал краткий экскурс в анатомию. Почти все сказанное я пропустила мимо ушей – не могла думать ни о чем, кроме того, что мне сейчас предстояло. Я не раз видела, как это делает Грэм, но он-то давно набил руку. Вот сейчас я вспорю чью-то мать, бабушку, сестру или тетю... А еще ведь нужно в целости и сохранности извлечь органы. А вдруг я испорчу их и патологоанатом не сможет с ними работать?

Клайв был спокоен. С невозмутимым видом он велел мне взять нож, и я приступила. Едва нож коснулся кожи трупа, Клайв сказал, чтобы я нажимала сильнее – нужно разрезать кожу, а не поцарапать ее. Нажав сильнее, я почувствовала, как лезвие уперлось в кость между ребрами – я знала, что это грудина. Когда я дошла до конца грудины, Клайв велел ослабить нажим. Я тут же вытащила нож, испугавшись, что совершила что-то непоправимое, но Клайв меня успокоил, объяснив, что в нижней части грудины нужно резать аккуратно, поскольку прямо под ней находятся желудок и кишечник, которые легко повредить. Если из них хлынет содержимое, будет весьма неприятно, а кроме того, оно иногда требуется патологоанатомам для анализа.

В конце концов, я сумела добраться до ребер и кишечника, откинув по обе стороны тела лоскуты кожи, как и велел Клайв. Я провозилась с этим довольно долго, Клайв уже начал терять терпение. Он показал, в каком месте следует отделить кишечник, чтобы размотать его, но в спешке я сделала что-то не так. Клайв терпеливо взял у меня нож и принялся за дело сам. Все свои действия он подробно комментировал и по ходу дела поручал мне «простые операции» вроде извлечения легких из грудной полости.

Я была поражена скоростью и легкостью, с какими Клайв освободил язык покойной. Он никогда не делал разрезов на шее. Когда он заполнял горло ватой, никто из родственников даже не догадывался, что происходило с телом.

Клайв рассказал, что однажды родственники умершего попросили показать швы на голове трупа и даже не поверили, что вскрытие вообще проводилось – настолько искусно Клайв скрыл следы своего вмешательства.

– Секрет в том, – сообщил он, – чтобы разрез на затылке располагался максимально низко. Когда голова будет лежать на подушке, швов никто не заметит. А узлы нужно завязывать за ушами, видишь?

Я умолчала о том, что Грэм уже посвятил меня в эту тайну, и лишь кивнула.

– Ну вот, – закончив, произнес Клайв. – И никакой разницы.

Затем он подмигнул и сказал:

– А теперь верни-ка старушке достойный вид.

И протянул мне большую блестящую иглу с изогнутым концом и продетой в ушко толстой нитью, напоминающей ковровый шпагат.

– Начинай с таза и продвигайся вверх.

Я пребывала в легкой растерянности. Для Клайва зашивание людей ковровым шпагатом было привычным делом, чего нельзя было сказать обо мне. Разве могла я тогда подумать, что скоро буду проделывать это так же легко, как и он?

Приступив к зашиванию, я поняла, что это проще, чем кажется, и перестала бояться прокалывать кожу этой огромной иглой. Клайв напомнил, что на трех четвертях нужно остановиться, поскольку после патологоанатомического исследования органы следует вернуть в полость тела.

После Клайв велел мне остаться в секционной, чтобы не допустить заражения, тем более что доктор Барберри должен был вскоре прибыть. Он вышел, а я осталась наедине с моей старушкой. Звучало радио. Доктор явился минут через десять.

– Доброе утро, Шелли, – улыбнулся он. – Как ты?

Конечно, от него не укрылась моя растерянность. Я боялась, что он сейчас задаст мне какой-нибудь вопрос, на который я не смогу ответить. Я напрочь забыла все наставления Клайва о том, что санитар должен говорить патологоанатому.

Я промямлила:

– Благодарю вас, доктор, все хорошо.

Однако мне не следовало так беспокоиться – Эд оказался удивительно легок на подъем. Через минуту мы уже вовсю болтали, и я и думать забыла о своих тревогах. Между прочим Эд поделился кое-какими секретами Клайва и Грэма, рассказал об их методах работы, а заодно дал несколько советов, как удобнее всего извлекать органы, дабы не вызвать нареканий со стороны патологоанатомов.

После этого вскрытия у меня была просто передозировка информацией. Приятнее же всего было осознавать, что я продвинулась чуть дальше простой уборки. Я почувствовала, что могу (ну или почти могу) делать то же, что Клайв и Грэм. Я стала частью команды морга. Понятно, что до величия Эда мне было далеко, но я чувствовала, что он стал мне другом.

Вечером, выгуляв Харви и Оскара, я связалась с родителями и сообщила радостную новость: я стала настоящим санитаром морга. Мне хотелось позвонить и деду, но потом я решила, что лучше будет рассказать ему о моих успехах при личной встрече в выходные.

Глава 10

На следующей неделе, в среду, Эд Барберри проводил исследование тела Сэмюэля Чандлера. Неделю назад этот человек поступил в больницу – ему должны были удалить желчный пузырь. Зимой у пациента было обострение хронического бронхита, три года назад ему удалили грыжу, изредка его мучила подагра и слегка поднималось давление, но в целом он был вполне здоров. Мистер Чандлер был женат уже сорок девять лет, раньше служил чиновником, а сейчас вышел на пенсию.

Операция проводилась лапароскопическим методом и прошла нормально. Сэмюэль отошел от наркоза. Хирург, мистер Уилсон, был доволен, что в ходе операции не возникло никаких технических проблем. Однако через два дня мистер Чандлер почувствовал себя плохо, а вскоре ему стало совсем плохо и его снова привезли в больницу. В его брюшной полости врачи обнаружили желчь и воспаление. Они попытались сделать промывание, мистера Чандлера поместили в реанимацию, однако через двенадцать часов он скончался.

Когда мы с Грэмом извлекли мистера Чандлера из пакета, я была поражена его состоянием. Труп раздулся от жидкости, которая сочилась наружу. Грэм заметил, что он напоминает утопленника. Тело было покрыто ярко-красной сыпью, а кожа имела коричнево-матовый оттенок. Меня удивило количество внутривенных катетеров – по одному на каждом локте и каждом запястье, один на левой щиколотке и еще один, от которого отходили шесть трубок, – на правой стороне шеи. Был установлен также мочевой катетер, трубка в носу и еще одна в горле. На животе я увидела длинную ленту пластыря и еще две небольшие наклейки под ребрами справа. Запах от тела исходил не самый приятный.

Грэм велел мне составить перечень всех катетеров и трубок, но к вскрытию пока не приступать – он решил, что Эд захочет увидеть мистера Чандлера как есть. Я сделала, что требовалось, и мы вернулись в кабинет выпить кофе. Клайв уехал в больницу на совещание, и у нас было полчаса, чтобы поболтать. Вскоре прибыл Эд. поприветствовав нас, он направился напрямик в секционную. И почти сразу же мы услышали:

– О Господи! Неужели опять?

Когда мы вошли, Эд просматривал документы покойника. Взглянув на нас, он сообщил:

– Наша звезда хирургии опять облажался.

– Похоже на то, – рассмеялся Грэм.

– Чарли Уилсон никогда не оставит нас без работы, – пояснил мне Эд. – Хирург старой школы – умеет все, но кое-как. Хирургия уже давно шагнула вперед, и старина Чарли не поспевает за ней.

Эд обошел вокруг стола, убедился, что мой список верен, осмотрел старые хирургические шрамы, отметил отек тканей и сыпь.

– С вами будет работать Шелли, – сказал Грэм.

– Отлично, – он посмотрел на меня. – Можете приступать, а я пока переоденусь. Когда будете обрабатывать раны, не забудьте их измерить.

С этими словами Эд нас покинул. В эту минуту кто-то позвонил в дверь, и Грэм тоже ушел, поэтому начинать аутопсию мне предстояло в одиночестве.

Сделав первый центральный разрез, как меня учили Клайв и Грэм, я обнаружила нечто, что сильно меня встревожило. Через пару минут стало понятно, что беспокойство вполне обоснованно. За несколько недель работы в морге я видела массу экзотического – живот, заполненный кровью после разрыва аневризмы аорты; печень, целиком состоящую из белых раковых отложений; кисту яичника размером 18 дюймов. Но то, что я увидела в теле мистера Чандлера, било все рекорды. Обычно брюшная полость бывает чистой, но у Сэмюэля все было запол-

нено свернувшимся желтым гноем. Я даже отступила и отвернулась – желудок не просто жутко выглядел, но и источал чудовищное зловоние.

Вернулся Эд. Потянул носом воздух.

– Перитонит, надо полагать, – весело заявил он. – Вы позволите?

Эд встал рядом со мной. На нем были фартук, шапочка, маска, пластиковые нарукавники и перчатки.

– Кишечник можешь не извлекать, – сказал он. – Тащи все целиком.

Обычно мы сначала перевязывали кишку и вытаскивали кишечник, а затем переходили к другим органам. Но в этом жутком месиве такой способ ни к чему хорошему бы не привел.

Однако даже в таком варианте задача была нелегкой. Приходилось так глубоко зарываться в тело, что я едва сохраняла равновесие. Кроме того, я старалась избегать брызг. В конце концов мне удалось достать все, что требовалось, и Эд помог мне разложить органы на секционном столе. Он приступил к работе, а я занялась извлечением гноя из живота мистера Чандлера, параллельно борясь с рвотными позывами. Затем перешла к мозгу. Доктор Барберри громко и смешно ругался, потому что из-за воспаления стенки кишечника рвались при малейшем прикосновении. Обычно Эд управлялся со всеми внутренностями минут за десять, но тут пришлось возиться около получаса. Я взвешивала органы, как вдруг Эд воскликнул:

– Ага!

Он помахал инструментом, подзывая меня.

– Смотри, – сказал он, указывая скальпелем на печень.

Я не сразу разглядела шов, покрытый гноем.

– Видишь – он еле держится? – с этими словами он осторожно потянул пинцетом один из швов, и тот сразу же подался. – Через него желчь просочилась в желудок – и вуаля!

– И часто такое случается?

– К счастью, не очень.

– И этого нельзя было избежать?

Эд помолчал, а потом конфиденциальным тоном заявил:

– Предоставим это коронеру.

Глава 11

Пасха пришла неожиданно быстро. Мама решила, что праздновать нужно на широкую ногу. В субботу был заказан шикарный ужин из ресторана, а в воскресенье мы встали чуть свет и, принарядившись, отправились на автобусе в город, чтобы как следует повеселиться. Кроме того, в нашем распоряжении был выходной в понедельник – чтобы прийти в себя. Собралась вся семья – родители, Майкл со своей подружкой Сарой и мы с Люком. Такие праздники обычно затягиваются, поэтому мне нужно было найти кого-то, кто присмотрит бы за Харви и Оскаром. С этими нечистокровными «немцами» не так-то просто сладить. Среди недели я обедала с Мэдди – у нас совпали перерывы – и сообщила ей о своей проблеме. Она с радостью согласилась присмотреть за собаками.

– Я все равно не поеду к себе, а у тебя такой прекрасный дом. Я так рада, что на Пасху буду не одна, – сияя, сказала Мэдди.

Мы условились, что Мэдди приедет в Страстную пятницу во второй половине дня и пробудет у меня до понедельника.

В четверг вечером мы с Люком отправились за покупками, чтобы порадовать Мэдди. Мы купили кучу еды, ее любимый сидр и черную смородину к нему, а еще бутылку водки и несколько пакетов апельсинового сока. Не забыли и о лакомствах для наших парней.

В пятницу, с утра пораньше, мы посадили Харви и Оскара в машину и поехали за город, на холмы, чтобы хорошенько их выгулять. Дождь перестал, и установилась замечательная, хотя и слегка прохладная погода. Но собакам холод нипочем. Они полтора часа носились в свое удовольствие и к приезду Мэдди уже благополучно дрыхли на диване. Я подробно проинструктировала Мэдди на предмет ухода за парнями.

– Посмотри только на них, – умилилась она, указывая на Харви и Оскара, развалившихся на диване. – Разве с этими ангелами могут возникнуть проблемы?

Она подмигнула мне, и мы с Люком уехали.

До родителей добрались быстро и привезли запас еды на три дня.

– Твой брат не останется, – сказала мама, как только мы вошли, – так что вы можете расположиться в большой комнате.

– Добрый вечер, миссис Уильямс, – с улыбкой сказал Люк и чмокнул маму в щеку.

Замечу, что Люк и родители сразу ладили. Маме нравилось, как он обо мне заботится, она была несказанно рада, что ему удастся держать меня в узде. Мне казалось, что с возрастом я остепенилась, но уверена, что мама едва бы согласилась с этим. Я считаю себя человеком вполне здравомыслящим и комфортным в общении и буквально вздрагиваю, когда мама или папа напоминают мне о том, что я вытворяла, будучи подростком. И все-таки порой я замечаю, что мама смотрит на меня тем же взглядом, что и в юности. Хорошо, что у папы с Люком нашлось много общего, и пусть по большей части это касалось футбола, они отлично ладили и чисто по-человечески. Впрочем, для папы было важно только одно – чтобы мне с Люком было хорошо.

– Вы как раз вовремя, – сказал папа. Я огляделась, стараясь понять, что он имеет в виду, и тут папа подмигнул Люку. – Футбол!

В нашей семье есть неписаное правило: полтора часа мужчины смотрят матч, и в это время им никто не должен мешать. Мы с мамой занялись интернет-шопингом, не забывая обращаться к спинам папы и Люка, чтобы поделиться соображениями о том, насколько в сети все дешевле. Мне даже удалось склонить Люка на нашу сторону и заставить его поучаствовать в наших покупках своей кредитной картой. Это было нашей большой победой.

К вечеру Страстной пятницы в доме Уильямсов царила по-настоящему праздничная атмосфера. Мама приготовила огромную кастрюлю чили, испекла хлеб и подала, по словам папы, «настоящее масло, а не какую-то хрень».

В субботу утром мы долго валялись в постели, а в полдень нас ждало традиционное шотландское жаркое. Потом мужчины снова взялись за футбол, а мы с мамой отправились в центр города на уже вполне реальный шопинг и снова с кредиткой Люка. Вы можете упрекнуть меня в расточительности, но поймите же, наконец, что, несмотря на все свое таинственное очарование и мрачное великолепие, работа санитара морга оплачивалась более чем скромно. А ведь еще нужно платить за дом. Какой уж тут шопинг.

Субботний вечер прошел спокойно. Я не выдержала и позвонила Мэдди, чтобы узнать, как дела. Естественно, и у нее, и у собак все было прекрасно.

– Не понимаю, чего ты так за них волнуешься, – сказал Люк.

Однако он, как и я, отлично знал, на что способны наши парни. Иногда они могут начать носиться друг за другом по дому, по лестницам и кухне, выбежать в сад... Впрочем, успокоить их довольно легко.

Вскоре доставили заказанный мамой индийский ужин, после которого мы рухнули на диван и целый вечер смотрели телевизор.

Настало воскресенье с его традиционной битвой за ванную. Всем нужно было быть готовыми к половине двенадцатого, и никто не хотел оказаться в душе последним, чтобы выслушивать, как его торопят все остальные. Впрочем, нам удалось все хорошо спланировать и собраться вовремя. В городе мы встретились с Майклом и Сарой. Мама с папой, по обыкновению, отправились в клуб, куда должен был явиться и дед с компанией друзей. Это было, конечно, место что надо, но с одной оговоркой – самой молодой его посетительницей являлась подружка моего брата Сара. За ней по возрастному ранжиру следовал Майкл, потом мы с Люком, а затем возникал страшный разрыв в четверть века, простирающийся до моих родителей, после которых возраст завсегдатаев стремился к бесконечности.

Впрочем, у клуба были и свои плюсы. Может, веселье здесь и не било фонтаном, зато тут, по маминому выражению, все было просто и крепко сколочено. Нас окружала атмосфера благопристойности и уважения к традициям. Оказавшись в баре, куда женщин пускали только при условии достойного поведения, мы сразу увидели множество солидных дам при полном макияже, в самых лучших воскресных нарядах. Казалось, что все они выбрали одинаковые ярко-синие тени для век и темно-красную губную помаду. Увидев деда в компании друзей, мы присоединились к ним.

Двух часов в клубе нам было вполне достаточно, чтобы почувствовать себя на вершине счастья. Дед с приятелями остался – не сомневаюсь, что они отлично провели время, – а мы вшестером отправились в паб через дорогу. Папа, как я уже упоминала, знал в городе почти всех, поэтому нам всегда были рады. С тех пор как родители продали паб, они не так часто общались с друзьями, поэтому подобные праздники были отличным поводом повидаться.

Глава 12

С правилами безопасности в морге Клайв познакомил меня в первые же дни.

– Шелли, нет ничего важнее безопасности этого места.

Грэм кивком засвидетельствовал справедливость этих слов.

– Ты не должна никого сюда впускать, если не знаешь точно, кто это и зачем пришел. Понятно?

Клайв мог непринужденно говорить о самых разных вещах, но на сей раз ему было нужно, чтобы я хорошенько все усвоила, поэтому упирал на каждое слово.

– В мире куча фриков, которые полагают, что лучший способ развлечься – это поглазеть на покойников.

Я знала, что такие люди есть, я ведь горячая поклонница криминальных историй, но никак не предполагала, что они могут стать проблемой для морга в захолустной больнице. Наверное, удивление отразилось на моем лице, потому что Грэм добавил:

– Не удивляйся, Шелли, у нас тут всякого хватает. Несколько лет назад в морге поймали одного из носильщиков, хотя ему тут нечего было делать. Доказать ничего не смогли, но мы же знаем, зачем он здесь был, не так ли, босс?

Клайв кивнул:

– Чертов урод!

– И что с ним стало потом?

– Начальник отдела провел с ним беседу, – спокойно ответил Клайв. – Теперь парень стал молочником.

– И нужно быть особенно осторожным, если дело касается опознания, – вставил Грэм.

– Что вы имеете в виду?

– Бывали случаи, когда близкие родственники оказывались не такими уж близкими, – пояснил Клайв. – Один парень вообще был посторонним.

– Вы шутите?

Клайв покачал головой.

– К счастью, я не оставил его тут одного, хотя он очень настаивал. Оказалось, что никакой он не брат умершей, – просто жил через дорогу от нее. И она давно ему нравилась.

Об этой стороне дела я никогда не задумывалась. Понятно, что двери морга не должны быть открыты для всех, но мне никогда не приходило в голову, что вопросы безопасности могут оказаться настолько важными.

– Опознание – ахиллесова пята нашей системы безопасности. Сюда может войти кто угодно, – заметил Клайв.

– Всякое бывает, да, – пробормотал Грэм, качая головой.

– Помнишь того парня, который хотел протащить сюда кошку, чтобы та простилась с умершим? – припомнил Клайв, и они рассмеялись.

– А ту старушку, которая никак не соглашалась оставить доктора Ромни в покое?

– Да! – Клайв повернулся ко мне. – Дик Ромни работал здесь патологоанатомом лет десять назад. Бедняга! Та вдова преследовала его целую вечность. В итоге он стал бояться телефонных звонков.

Грэм побагровел от смеха. Он затопал ногами и закашлялся.

– А что произошло? – не поняла я.

– Муж и жена очень любили друг друга, прожили вместе много лет, – отдышавшись, сказал Грэм. – Когда он умер, у нее поехала крыша. Я хорошо подготовил тело – было впечатление, что он спокойно уснул. Она вошла, взглянула, повернулась ко мне и выпалила: «Это не мой муж!»

– А вы что?

– Попытался ей возразить, но все было бесполезно. Она вбила себе в голову, что это не ее муж, и больше слышать ничего не желала. Мы якобы положили сюда актера, очень похожего на ее мужа. При этом ее не смущало, что это – мертвый актер, оказавшийся у нас под рукой именно тогда, когда умер ее муж.

– Она жутко разозлилась, – добавил Грэм.

Клайв кивнул.

– Я минут сорок ее успокаивал, уговаривал пойти домой, но она не желала уходить! А через неделю Дик получил письмо – благо не зелеными чернилами. В письме дама продолжала настаивать, что он, как начальник патологоанатомической службы, подменил ее мужа другим человеком. Она желала знать, где ее муж!

– И что сделал Дик?

– Бросил письмо в ящик стола и постарался выкинуть эту историю из головы.

Грэм рассмеялся.

– И следующее письмо тоже... И следующее...

Клайв тоже засмеялся.

– Он получал эти письма даже спустя десять лет, когда благополучно вышел на пенсию.

Глава 13

Я работала в морге уже два месяца. Как-то в понедельник, явившись на место, я поняла, что тружусь здесь целую вечность и хорошо чувствую внутренний ритм этого учреждения. Я уже, к примеру, точно знала, что у Клайва есть утренняя рутинная работа, от которой он старается не отлынивать, слышала, как из секционной доносятся привычные звуки «Радио-2», а в кабинет вошла в тот самый момент, когда раздался щелчок закипевшего чайника. Клайв уже приготовил чашки, и тут я обратила внимание на необычный запах. Нет, это была не дезинфекция. Это был запах *разложения*. На ум сразу пришел мистер Паттерсон – на той фазе своего становления, когда его любезно согласилась приветить ритуальная служба. Единственно, в этот раз запах был значительно хуже. Клайв молчал, я тоже воздерживалась от замечаний, хотя мной овладели сомнения, чувствует ли он его вообще. Как знать, может, за долгие годы работы в морге он уже настолько адаптировался к зловонию, что просто перестал его замечать.

Вошел Грэм. Он мгновенно сморщился и спросил:

– И давно у нас так?

Значит, я не свихнулась и у нас действительно воняет. Клайв ответил, что он не в курсе, потому что еще не открывал холодильник. Грэм направился прямо в хранилище, бормоча себе под нос, что с этим давно пора покончить. Я последовала за ним, не догадываясь, что нас там ждет.

Я уже говорила, что наш холодильник вмещал двадцать восемь тел, причем четыре отсека были больше остальных. Они предназначались для тучных мертвецов, но поскольку такие попадались редко, эти отсеки использовали в качестве «изолятора» для разложившихся тел. В основном эти отделения пустовали, нам не приходилось часто открывать дверцу, и запах не распространялся по всем помещениям морга.

Когда Грэм открыл холодильник, вонь обрушилась на меня, как стена из мокрого песка. Это был физически ощутимый, плотный и густой запах, притом что тело было упаковано аж в три пластиковых мешка. Я с ужасом представила, как будет смердеть, когда мы их откроем. Грэм решительно подошел к телу и впервые за все время, что мы работаем вместе, надел перчатки.

А теперь представьте себе самый страшный фильм ужасов, какой вы только видели, и возведите весь этот ужас в квадрат – тогда вы поймете, что за зрелище предстало перед нами, когда мы открыли последний мешок. И хотя в этот момент зловоние, которое вышибало слезы из глаз, достигло апогея и должно было бы вытеснить из моего сознания все остальное, то, что предстало моему взору, оказалось еще сильнее. Передо мной лежало покрытое слизью, зеленое, шевелящееся тело. Кожа висела отсыревшими клочьями, огромные язвы источали жидкость, губы и веки разложились настолько, что обнажились зубы и глазные яблоки. Из-за обилия личинок труп казался странно живым; черви пировали на нем, кипя, словно болельщики на футбольном чемпионате. Клайв невозмутимо сообщил мне, что человеческое тело – идеальная среда для личинок. Сначала я даже рассердилась на него и Грэма за то, что они подвергли меня такому испытанию без подготовки. Но позже поняла, что так и должно было быть. Никаких специально приготовленных сюрпризов – все подчинено природному порядку. Природа сама распоряжается телом, если человеку пришлось умереть в одиночестве и оказаться обнаруженным недостаточно быстро.

Увиденное не внушило мне отвращения к работе, но по спине побежали мурашки, а от вони тошнота волной подкатилась к мозгу. Однако мне не улыбалась перспектива с воплем выскочить из морга, поэтому я взяла себя в руки. Я твердила себе, что со временем привыкну ко всему.

Клайв поинтересовался, как я себя чувствую, и рассказал, что на его глазах при подобном зрелище здоровенные мужики теряли сознание. Впрочем, долго распространяться не стал, и я поняла, что он предпочитает делиться информацией понемногу. Мы оставили эту тему, а Грэм покатил каталку в секционную. Труп на патологоанатомический стол мы вывалили прямо в мешках, заперли дверь и вернулись в кабинет к своему кофе, чтобы там подождать прибытия патологоанатома. Однако вскоре трупная вонь усилилась, и я попросила у Клайва разрешения подышать свежим воздухом. Грэм отправился со мной. Через десять минут мы вернулись в царство зловония. Доктор Эд Барберри уже пил с Клайвом кофе и вовсю делился свежими новостями. Вонь от разлагающегося тела достигла лабораторий наверху, и к нам стали поступать жалобы от сотрудников. Нет, это было покруче мистера Паттерсона! А я ведь была абсолютно убеждена, что ничего круче быть не может!

Идентифицировав тело по прикрепленным ярлыкам, Эд сказал Грэму, что можно приступать к эвисцерации, а сам поднялся наверх – ему предстояло еще заняться хирургическими образцами живых. Мы с Грэмом облачились в спецкостюмы, он приступил к работе, а я стояла позади и наблюдала. Невилл сообщил, что наш труп – женщина, причем женщина-врач. С возрастом она возомнила себя великим специалистом. Считая своих коллег недоумками, она самостоятельно поставила себе диагноз и отказалась от любой помощи со стороны. Родственников у нее не было, равно как и друзей. Она жила в полной изоляции и умерла в одиночестве. Позже я узнала, что ее тело было обнаружено лишь спустя пару недель. Грэм сказал, что нам еще повезло, что на дворе зима, потому что летом картинка была бы намного хуже. Мне пришла в голову мысль, что даже просто хуже уже некуда, а уж намного – тем более.

Когда Грэм достал женщину-врача из мешка, мы поняли, что она полностью одета, а ноги закутаны в одеяло. Одеяло смешалось с разлагающейся плотью и тоже шевелилось. Когда Грэм совлек то, что от него осталось, мы узрели буквально океан личинок – я и вообразить не могла, что их может скопиться так много в одном месте. Это было уже выше моих сил – промямлив извинения, я пулей выскочила из секционной. Влетев в кабинет, я увидела Клайва за компьютером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.